

весь состоял из этого». Если же попытаться определить главную, собственную тему повести Гурченко, то, пожалуй, это связь и взаимосвязанность впечатлений детства и искусства, их влияние друг на друга. Ракурс интересный и нечасто встречающийся в литературе. Леночка Крылова, скажем так, воспитана песнями предвоенных и военных лет. И связано это с тем, что папа и мама исполнительницы этой роли до войны работали в самодеятельности, их дом был «озвучен» теми песнями, «дочурочка» распевала их с колыбели. Вот в каком смысле «Карнавальная ночь» стала итогом счастливого общения будущей актрисы с родителями. Однако если бы жизнь приносила только радости!

Онкупированный Харьков, город омерзительный, словно заколдованный злым чародеем, голодуха, трупы в проруби, откуда зимой берут воду, облавы... Все это пришлось пережить шестилетнему ребенку — и лай немецких овчарок, и разверстые пасти душегубки, и причитания матери рядом: «Главное — опоздать! — собака не боится... кусают тех, кто паникует. Это не смертельно, главное — опоздать...» Они «опоздали» и душегубке, постепенно набираемой людьми. Страшные подробности. А

весьма эскизные, рождается ощущение труда нештучного, забирающего все силы и нервы. И мы успеваем понять, что творческая биография актрисы далеко не всегда освещена праздничными юпитерами. После шумного успеха наступила полоса неудач, метаний, горечи вынужденного простоя. Об этом мучительном периоде, продолжавшемся семнадцать лет, рассказано тоже просто и искренне, с попыткой разобраться в объективных причинах неудач. Понадобился определенный «запас прочности». Он-то и вывел актрису ко «второму рождению» — в повести рассказывается о последних работах — «Бенефисе», «Сибириаде», «Пяти вечерах», о встрече с разными режиссерами и творческих поисках, работе над ролями, все более углубленной, целенаправленной.

Рассказ о детстве продолжается — учеба в музыкальной школе, сборы в Москву, но все больше автора тянет в наше время, все настойчивее желание заглянуть в будущее, тоже становящееся прошлым, рассказ уходит вдаль, и открываются новые горизонты, расширяется и круг проблем, которым все теснее в «семейных рамках». Открывается и перспектива в самой творческой биографии актрисы. От

ПОМНИТЕ Леночку Крылову из «Карнальной ночи»? Хрупкую, тоненькую, заразительно счастливую... «И улыбка, без сомнения, вдруг коснется ваших глаз...» — помните? Популярность к Людмиле Гурченко, тогда еще студентке Института кинематографии, пришла сразу, почти мгновенно. Всё свершилось словно по мановению волшебной палочки. Счастливая судьба? Может быть. Однако спустя четверть века, разбираясь в причинах успеха, Гурченко напишет: «Карнавальная ночь» — это итог моей двадцатилетней жизни с родителями».

ОГЛЯНИСЬ В РАДОСТИ

Людмила Гурченко. «Мое взрослое детство», Повесть. Журнал «Наш современник», №№ 3, 4. 1980.

И вот эта жизнь перед нами, на страницах журнала «Наш современник». Актриса рассказывает о своем отце с юмором и беспредельной любовью. О его наивности, простодушии, доброте, человеческих слабостях и щедром оптимизме.

Читая, не спешите, не торопитесь, чтобы не пропустить подробности, просторечные выражения, украинизмы — в них вся прелесть и вся суть. И вы как друг войдете в гостеприимный дом, сядете за стол, поддаваясь обаянию Марка Гавриловича Гурченко, почувствуете себя своим, вы увидите, как крохотная девушка взбирается на стул, и услышите восклицание её отца: «Давай, дочурчинка, песенку з чечёточку!»

Сейчас многие пишут о детстве военной поры. Интерес этот глубоко пережит, его истоки — причастность к судьбе Родины, особенно остро ощущавшаяся в ту суровую годину. В этом ряду «Мое взрослое детство» не является исключением. Любовь к Родине Л. Гурченко называет «высшим чувством»: «Это — любовь к Родине! Да, вот так просто. Просто и сложно. Так просто и так сложно, радостно и болезненно располагается она в сердце. «Это» мне подарил мой папа! Этим чувством он был пронизан насквозь. Он этого и не осознавал. Он

через тридцать три года будет снимать фильм — и они, эти подробности, оживут в памяти актрисы, пойдут «в дело»: «В 1975 году я снималась в фильме «20 дней без войны». ...Глубоко в душе есть холодный тайник. И я боюсь его открыть. Я его открою... В самой трудной и обнаженной сцене он мне понадобится... Играв роль Нины Николаевны, я напряженно жила жизнью моей молодой мамы. Как она была беззащитна. Как она была беспомощна. Как она жаждала любви, моя мама».

Тайник есть. Он — в глубине души. Но ясно же, что в нем не чурки-заготовки, запасенные впрок, за каждую «детальку», лежащую на дне тайника, заплачено пронзительной болью, до сих пор отзывающейся в сердце.

«Мостики», связующие прошлое с настоящим, в повести очень органичны, искусство появляется в «наплывах из будущего», и хотя они

беззаботно-счастливой Леночкой Крыловой до острой, угловатой, легкоранимой, сотканной из психологических нюансов Тамары Васильевны в «Пяти вечерах» Никиты Михалкова — дистанция! Но удивительная при этом и близость, общее в них — предельная искренность, открытость, талант дарить людям радость — качества, восходящие к неистребимым и благотворным истокам «взрослого детства».

Трудно определить жанр этой вещи. Воспоминания? Картинки к размышлению о природе искусства? Лирический дневник? Скорее все вместе, сливающееся в повесть о жизни. Здесь и художественное обобщение, поскольку автор обнаруживает способность ярко очертить характер, передать особенности речи персонажей, нарисовать атмосферу, быт. Это и документ эпохи, ибо все тут подлинное — имена, события. Исповедальность сливается все воедино, в нечто своеобразное, единственное в своем роде.

Некоторые откровения, однако, могут покоробить «благососпитанного» читателя. Так, скажут, стоит ли, например, вспоминать, что из-за страшного голода девочке-малютке пришлось воровать на базаре с прилавка то помидор, то морковку? Некоторые сцены такой читатель найдет грубоватыми — автор-де слишком буквально следует за фактом. Есть и повторы, и излишнее любование «папочкой». Кое-кого покоробит его страсть к крепким выражениям. Возможно, эти замечания в определенной мере справедливы. Но ведь это издержки откровения!

Только тот приблизится к правде времени, кто сможет рассказать правду прежде всего о самом себе. Только тогда возникнет эффект доверия и соучастия. При чтении повести «Мое взрослое детство» такой эффект возникает. Автор не поучает. Тем не менее судьба девочки из простой, «неразумной, но чистой, доброй, широкой и абсолютно иррациональной семьи» показательна и поучительна. Искусство для Л. Гурченко — не «вторая» жизнь, а сам способ существования, та истинная нравственная ценность, которая дает силы преодолеть самые неблагоприятные обстоятельства и всегда быть на высоте подлинной человечности. В этом, мне думается, и главный смысл обращения к «далекому близкому». Начав повествование о «любимом папочке», решив ему посвятить исповедь-признание, Людмила Гурченко рассказала и о своем времени и об искусстве, и о жизни.

Аристарх АНДРИАНОВ

83